

Наевшись и напившись, все трое расслабились за столом. Янь Цзянь спросил:

— Ты сделал домашнее задание?

Янь Цун покачал головой:

— Ещё нет. Но сейчас же займусь!

Янь Цзянь кивнул:

— Сегодня можешь не практиковаться в нарезке. Сначала уроки, потом сразу отдыхать. А завтра утром я сам отвезу тебя в школу.

— Не стоит, правда, — замахал руками мальчик. — Я отлично доберусь на автобусе.

— Мне всё равно нужно встретиться с вашим директором, обсудить кое-какие дела. Так что нам по пути.

— Тогда спасибо большое, мастер! Мастер, тетушка, я пойду к себе делать уроки. Спокойной ночи!

— Беги-беги, — мягко улыбнулась Хэ Юйвэнь. — Если что-нибудь понадобится, позови тетушку Ван, хорошо?

Когда Янь Цун поднялся к себе, Хэ Юйвэнь повернулась к мужу:

— Зачем тебе директор школы Сяо Цуна?

— На самом деле мне нужен его классный руководитель, — ответил Янь Цзянь. — Мальчик очень доверяет учительнице Ван. Думаю, она сможет прояснить некоторые вещи.

— И то верно. Кстати, Сяо Цун упоминал своего спасителя, какого-то Бай Цзиньчэна. Может, стоит разыскать этого юношу? Раз уж он не побоялся рискнуть собой ради другого, парень наверняка благородный. К тому же он потом учил Сяо Цуна плавать, так что должен быть в курсе его дел. И ещё... я не решилась сказать тебе об этом по телефону: И Сыцзя ввела Сяо Цуну модифицирующий препарат.

Янь Цзянь изумленно уставился на жену:

— Что?! Как у неё только рука поднялась?! Сяо Цун ведь ещё несовершеннолетний!

— Всех подробностей я не знаю, — вздохнула Хэ Юйвэнь. — Но факт остаётся фактом: препарат уже у него в крови. Завтра я расспрошу доктора Вана, насколько это опасно для растущего организма. Прошлого не воротишь, но мы обязаны сделать всё, чтобы укрепить его здоровье.

Янь Цзянь нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Впредь старайся поменьше делиться с И Сыцзя нашими семейными делами. И не позволяй ей слишком часто видеться с Янь Сянем.

— А? — растерялась Хэ Юйвэнь. — Почему? При чём тут наш Сяо Сян?

— Ты ведь знаешь, что творится с её старшим сыном. Раньше я думал, что мальчишка просто от природы не поддаётся воспитанию, но теперь сомневаюсь. Похоже, дело в самой семье, а Сяо Цун уцелел лишь благодаря твердому характеру. В общем, я не хочу, чтобы Янь Сян много общался с И Сыцзя. Не хватало ещё, чтобы он подружился с этим старшим сыном семьи Янь. Наш сорванец и так только о веселье думает — этот оболтус живо испортит его.

— И в кого он такой уродился? — сокрушенно вздохнула Хэ Юйвэнь. — Мы с тобой совсем другие, а Сяо Сян будто из другого теста слеплен.

В мыслях Янь Цзяня снова всплыла картина с церемонии ученичества: И Сыцзя и Янь Сян стояли рядышком и о чём-то шептались. Это странное, почти мистическое дежавю ворохнулось в душе с новой силой, раздувая искры тревоги.

— Ладно, не бери в голову, — мягко проговорил он, стараясь скрыть волнение. — Тебе нужно отдохнуть. А мне ещё надо просмотреть пару документов. Завтра рано вставать — повезу Сяо Цуна в школу.

Хэ Юйвэнь и не подозревала, какие мрачные мысли одолевают мужа. Прежде её волновали лишь ленивая учёба да капризный нрав Янь Сяна, но теперь все думы занял бедняжка Сяо Цун. Она без конца гадала, о скольких ещё обидах смолчал этот терпеливый ребёнок. Сон её был тревожным и рваным.

Под утро ей привиделся кошмар: будто Сяо Цун — её родная кровь, её собственный сын, которого прямо у неё на глазах похищают чужаки. Как бы она ни кричала, как бы ни тянула руки — спасти мальчика не получалось. От этого отчаянного бессилия во сне она закричала наяву.

Янь Цзянь мгновенно проснулся и зажгёт ночник. Увидев застывшую в постели жену, тяжело дышащую и покрытую холодным потом, он порывисто прижал её к себе:

— Тише, тише, родная... Я здесь. Это просто глупый сон.

— Мне приснилось... — всхлипнула Хэ Юйвэнь, утыкаясь ему в плечо, — будто Сяо Цун — наш сын. И его забрали... А я ничего не могла сделать, никак не могла вернуть его!

У Янь Цзяня болезненно ёкнуло сердце. Тревожное предчувствие ледяными тисками сжало грудь.

— Это всего лишь кошмар, — успокаивающе зашептал он, глядя её по волосам. — Ты просто приняла его беды слишком близко к сердцу, вот материнский инстинкт и разыгрался.

— Не знаю, что со мной... — утирая слезы, прошептала она. — Я ведь с первой минуты полюбила его как родного. Сердце разрывается, когда вижу его слёзы.

— Ты ведь сама говорила — это судьба, — Янь Цзянь нежно погладил её по спине. — Ну всё, успокойся. Постарайся уснуть. Не хочется, чтобы завтра дети увидели тебя с тёмными кругами под глазами.

Тем временем Сяо Цун, устроившийся в гостевой спальне, даже не думал отлынивать от ночных трудов. Он предусмотрительно запер дверь изнутри, натянул одеяло повыше, подложил под него запасную подушку, чтобы со стороны казалось, будто он крепко спит, и мгновенно перенёсся в своё портативное пространство.

И-Эр-Сань-Сы с радостным визгом бросились к нему, бешено виляя хвостами. Курица Сяо У тоже не отставала: захлопала крыльями и заклохтала, приветствуя хозяина. Янь Цун поспешил приготовить своим питомцам угощение. Он заглядывал сюда всего раз в сутки, и если Сяо У со своим выводком ещё могла прокормиться сама, отыскивая в траве семена, то четверка псов целиком и полностью зависела от него.

Он накрошил собакам привычные кукурузные лепёшки-воту, щедро сдобрив их варёной курятиной. Куриному семейству насыпал пару мисок отборного белого риса из системного магазина. Пока довольная живность с аппетитом уплетала корм, Янь Цун прилёг в домике на кан и сладко вздремнул.

Проснувшись со свежей головой, он вооружился верным поварским ножом и перебрался в кухонную зону пространства. Из бездонного ларя он достал целую гору белого редиса-лоба и сочных огурцов. Накануне из-за всей этой кутерьмы со слезами и обмороком он пропустил обязательную тренировку. Мастер, конечно, слова бы ему не сказал, но сам Янь Цун поблажек себе давать не собирался. К тому же любая работа в пространстве приносила драгоценные очки опыта — копейка рубль бережёт, как говорится.

Продукты переводить не хотелось. Все удачно нарезанные овощи он откладывал в одну сторону, а кривые обрезки — в другую. Янь Цун решил разложить их по четырём глиняным чанам, чтобы заквасить закуски с разными вкусами. Ему предстояло питаться ими всю зиму,

так что к делу он подошёл со всей серьёзностью.

С тонкой, идеально ровной соломкой из лобы хлопот было меньше всего. Он пересыпал её солью, чтобы выжать лишнюю влагу, и отложил добрую треть — на утренние лепёшки для приёмных родителей. Остальное заправил сахаром, уксусом, настоем сычуаньского перца, имбирным соком и семенами фенхеля. Плотнo закрыв крышки кувшинов, Янь Цун вынес их на улицу: ферментация требовала прохлады, а в тёплом доме овощи бы просто закисло.

Для фигурно нарезанных огурцов- «гармошек» он приготовил особый маринад: вскипятил соевый соус со звёздчатым анисом, душистым перцем и пряностями. Огурцы, предварительно слегка подвяленные, быстро впитали ароматный рассол, обещая превратиться в хрустящую пряную закуску. А неудачные обрезки пошли в глубокую кадку вместе со стручковой фасолью, молодым имбирём и жгучим чили. Залив всё это простым солевым раствором, он оставил мариноваться. Для его скромных нужд такого запаса солений с лихвой хватило бы до самой весны.

На следующее утро, когда Ван Синьмяо и Ли-сао спустились на кухню, Янь Цун уже заканчивал возиться у плиты.

Увидев, как споро мальчик орудует лопаткой, переворачивая румяные лепёшки, Ли-сао ахнула:

— Сяо Цун, ты что же, решил меня без работы оставить?

— Ну что вы, Ли-сао, — лучезарно улыбнулся Янь Цун. — Мне у вас ещё учиться и учиться, особенно тонкостям нарезки! Просто захотелось порадовать мастера и тетюшку Хэ горячим завтраком. Вот, я как раз только что снял с огня две свежие лепёшки, угощайтесь скорее!

Ни Ли-сао, ни Ван Синьмяо ещё ни разу не пробовали стряпню нового ученика, хотя сгорали от любопытства. Женщины взяли по дымящемуся кусочку, подули и осторожно откусили. Описание «тает во рту» подошло бы здесь как нельзя лучше. Лепёшка была приправлена очень тонко — вкус оставался нежным, ненавязчивым, но именно эта деликатность позволяла раскрыться природной сладости лобы. Ни намёка на характерную речечную горечь или резкий запах! Тесто получилось удивительно слоистым, воздушным и совсем не жирным, несмотря на то что жарилось на сковороде. Наслаждаясь каждым кусочком, женщины не заметили, как смололи всё до последней крошки.

Обычно по утрам у Ван Синьмяо совсем не было аппетита — крошечной пресной галеты ей хватало за глаза. Но сегодня всё пошло наперекосяк: доев порцию, она поймала себя на том, что жадно косится на шкворчащую сковороду. Ли-сао испытала то же самое. Причмокнув от удовольствия, она восторженно закивала:

— Сяо Цун, золотко, а сможешь ещё парочку испечь? А я за это приготовлю тебе с собой

нежнейшую говядину в дорогу!

— С удовольствием! — рассмеялся Янь Цун. — Только чур говядину я буду резать сам. Вчера прогулял тренировку, сегодня нужно отрабатывать долги. — Он немного замялся и тихо добавил: — Тетушка Ван, тетушка Ли, у меня к вам просьба... Пожалуйста, не говорите пока никому, что эти лепёшки приготовил я. Боюсь, если Янь Сян узнает, он наотрез откажется есть. Тетушка Хэ расстроится, мастер разгневается... Зачем портить всем утро? Начнём день в мире и согласии.

Женщины переглянулись, тронутые такой чуткостью.

— Хорошо, малец, — мягко ответила Ли-сао. — Пусть это останется нашей тайной.

Завтрак превзошёл все ожидания. Хэ Юйвэнь, у которой обычно маковой росинки во рту по утрам не бывало, уплела целую лепёшку с половиной, да ещё и прикончила пиалу кукурузной каши. Янь Цзянь, заметив заговорщический взгляд Ли-сао, сразу всё понял. Догадка, что завтрак приготовил его новоиспечённый ученик, согрела душу. Конечно, опытный кулинар заметил бы лёгкие огрехи в балансе специй, но для подростка это был шедевр. Растроганный мастер с удовольствием умял пять штук кряду — небывалый для него аппетит.

Даже привередливый Янь Сян умял четыре пышных блинчика и сыто зажмурился:

— Ли-сао, сегодня просто объедение! Приготовьте такие же на завтра, ладно?

Ли-сао лишь натянуто улыбнулась, не став обещать лишнего, а Ван Синьмяо молча уткнулась в свою тарелку. Впрочем, Янь Сян ничего не заметил. Наспех закинув за плечи рюкзак, он выскочил во двор, где его уже поджидал служебный автомобиль с Лао Ли за рулём. Для избалованного подростка не было большего удовольствия, чем ловить по утрам завистливые взгляды одноклассников из окна роскошной машины.

Проводив сына, Янь Цзянь усадил Янь Цуна в машину. Не доезжая одного квартала до школьных ворот, мальчик попросил:

— Мастер, высадите меня здесь, пожалуйста. Тут безлюдно, никто из ребят меня не увидит.

— Хорошо, — согласился Янь Цзянь. — Будь осторожен на переходе. Хочешь, я пришлю Лао Ли забрать тебя после уроков?

— Нет-нет, спасибо! — поспешно замахал руками Янь Цун. — Я доеду на автобусе, так проще. Хорошей вам дороги, мастер, водите аккуратнее!

— Договорились. Беги на занятия.

Янь Цун побежал к школе, а Янь Цзянь направился в учительскую на поиски учительницы Ван. Завидев гостя, учительница удивленно приподняла брови:

— Господин Янь? Доброе утро. Что-то случилось?

— Здравствуйте. Мы могли бы поговорить наедине? — серьёзно спросил Янь Цзянь. — Дело касается Сяо Цуна.

— Разумеется, — кивнула педагог. — Мне нужно только на минуту заскочить в класс, присмотреть за ребятами перед звонком. Подождёте меня?

— Безусловно. Буду ждать здесь.

— Лучше поднимитесь в конференц-зал на седьмом этаже, — предложила учительница Ван. — Там нам никто не помешает.

Минут через десять учительница Ван вошла в зал. Там уже сидел директор школы, увлечённо беседуя с влиятельным гостем. Заметив классного руководителя, директор вежливо откланялся, сославшись на срочные дела.

Учительница Ван села напротив Янь Цзяня:

— Итак, господин Янь, о чём именно вы хотели спросить?

— Сяо Цун ведь едва не утонул прошлым летом, верно?

— Да, несчастный случай, — вздохнула учительница Ван. — К сожалению, я узнала об этом только в начале учебного года.

— Вам известны подробности? Почему он оказался в реке?

Педагог ненадолго замаялась, взвешивая каждое слово, но всё же решилась открыть правду:

— Сам Янь Цун никогда об этом не распространялся, но я, как его классный руководитель, поспрашивала свидетелей. В тот день Сяо Цун пошёл к реке, чтобы позвать старшего брата к обеду. Тот купался со своими друзьями и принялся настойчиво зазывать младшего в воду. Сяо Цун наотрез отказывался, ведь плавать он не умел. Брат стал силой тащить его за собой, завязалась потасовка, и Сяо Цун сорвался в омут. Он мгновенно ушёл под воду и начал захлёбываться. Слава богу, рядом оказался Бай Цзиньчэн — одноклассник его старшего брата.

Он вытащил мальчика и отвёз в больницу.

Янь Цзянь нахмурился ещё сильнее:

— И как же на это отреагировала чета Цзянь? Они хоть пальцем пошевелили?

— А что они могли сделать? — со вздохом покачала головой учительница. — Оба ведь сыновья, не сажать же старшего за решётку. Но есть во всей этой истории деталь, которая не даёт мне покоя. Почему родной брат утащил Сяо Цуна на дно, а спасать бросился посторонний парень? Позже, когда мы с Янь Цуном занимались в бассейне, я разговорилась с этим спасителем, Бай Цзиньчэном. Мальчишка на редкость принципиальный, из тех, кто не терпит никакой подлости. Я лично слышала, как он трижды предупреждал Сяо Цуна держаться подальше от брата. Когда мы беседовали с глазу на глаз, он не стал раскрывать подробностей трагедии, но само упоминание о старшем брате Сяо Цуна вызвало у него неподдельное отвращение. Он прямо заявил, что больше не желает иметь ничего общего с подобными мерзавцами. Полагаю... там случилось что-то ещё, о чём нам не договаривают.

<http://bllate.org/book/20137/2172007>